

Y. Matras. Romani in Britain. The afterlife of a language. Edinburgh: Edinburgh university press, 2010. XVII + 255 p.

Автор книги с интригующим названием «Цыганский в Британии. Жизнь языка после смерти» – Ярон Матрас, профессор лингвистики Манчестерского университета, автор классического труда, определяющего лицо современной лингвистической цыганологии [Matras 2002], ведущий эксперт по цыганскому языку, языковым контактам, проблемам билингвизма и другим направлениям лингвистических исследований (<http://www.llc.manchester.ac.uk/aboutus/staff/lcl/yaron-matras>). Недавно он опубликовал увлекательную книгу [Matras 2009], в которой, в частности, обобщил результаты многолетних наблюдений над формированием билингвизма у своего сына.

В этом году вышло в свет еще одно фундаментальное исследование, посвященное быто-

ванию свособразного цыганского диалекта в современной Британии. Работа над ним заняла более 10 лет. Оно посвящено изучению исторических связей между диалектами романи (от цыг. *romani čhib* ‘цыганский язык’), сохранившими индоарийскую в своей основе грамматику, и типичным «парацыганским» диалектом (Para-Romani), перешедшим на грамматику английского языка, но все же сберегшим отчасти цыганскую лексику. Последний и обозначается далее термином «англоромани» (Angloromani, букв. ‘английско-цыганский’)¹.

¹ В отличие от английского сленга, для которого имеется монографическое описание [Маковский 2009], встречи русского читателя с

Романи – один из старейших языков британских национальных меньшинств. Цыгане прибыли на Британские острова из Европы в шестнадцатом столетии или даже ранее. Любопытно, что первая в мире попытка фиксации цыганского языка – это тринадцать фраз с английским переводом, опубликованные в 1547 г. Эндрю Бордом (Andrew Boorde). Это был еще флективный язык, например:

<i>Av-áv-a</i>	<i>tú-sa</i>
прийти/быть-1SG-FUT	2SG-SOC

‘Я приду/буду с тобой’ (цит. по [Kluge 1901: 91]).

Таковым язык оставался до второй половины девятнадцатого века, а потом уступил доминирующие позиции английскому языку даже в семейной коммуникации. Но и после этого англоромани не был забыт, а продолжает функционировать уже в форме особого словаря, который используется как средство «эмоциональной» коммуникации среди своих.

Главная интрига исследования состояла в том, чтобы в деталях проследить и объяснить как системные факторы, так и социолингвистические механизмы, приведшие к такой структурной перестройке. На основе этого анализа предлагается своеобразное понимание процессов языковой смерти и языкового возрождения. Задача была решена благодаря привлечению внушительного корпуса свидетельств прошлого и интервью с современными носителями англоромани. Методы собирания материала и результат уникальны. Были задействованы все современные возможности коммуникации, что позволило провести опрос большого количества носителей. В частности, дискуссии о современном состоянии англоромани велись на интернет-форуме, там же

этим диалектом, имеющим также английскую грамматическую основу, достаточно курьезны. Пара фраз из англоромани, искаженных писателем и дополнительно переводчиками, известна нам по знаменитой «Дюне» Франка Герберта; они там выступают в качестве образчиков языка будущего *чакобса* ([Herbert 1965: 229, 522], см. [Leland 1891: 130, 209–210]). В русских жаргонных словарях после 1992 г. в числе прочих фантастических описаний появились слова (*пердас* ‘чужой’, *фезаво* ‘хромой’), восходящие через немецкий словарь Вильгельма Польцера (*Perdas* ‘Fremder’, *Vesavo* ‘lahm’ [Polzer 1922: 65, 96]) и, далее, через монографию А.Ф. Потта к описанию цыганского диалекта в Северном Гемпшире (Великобритания) по наблюдениям 1818–1819 гг. полковника Дж. Харриота (J.S. Harriot) [Шаповал 2008а: 67]. Второе слово до сих пор в ходу в англоромани, как явствует из рецензируемого труда: *vassavo*, *vásavo* ‘плохой’ (с. 178).

собирались образцы письменной речи. В известной мере по речевому поведению в письменной коммуникации в Интернете можно судить об устном речевом поведении. Форум привлекал людей, которые в этой ситуации пытались общаться с чужими, позиционировавшими себя как свои в широком смысле, в той манере и на том языке, которые обычны для внутрисемейного устного общения. Слова на англоромани в этом случае выступали как пропуск и символ эмоционального и родового единства с невидимым собеседником. Графика складывалась стихийно *ad hoc*, следовательно, варьировалась в широких пределах. Даже анализ особенностей графики конкретного корреспондента оказывается лингвистически информативным, например, выбор *phen* ‘сестра’ вместо *pen*, где позиционное придыхание [p] безальтернативно, указывает на знакомство с графикой европейских цыган (с. 156). Это лишь один из примеров того, как филигранно интерпретируются данные форума.

В приложении дан один из зримых результатов этих опросов: впечатляющий словарь англоромани, доступный и в Интернете (<http://romani.humanities.manchester.ac.uk/angloromani>).

В первой главе «Англоромани: другой тип языка?» (с. 1–30) рассматривается вопрос о системных параметрах (*language-ness*) этого языка в связи с функционированием специфического лексикона англоромани и оцениваются различные объяснительные модели возникновения языка смешанного типа.

В рамках объяснения базовых терминов фиксируется, что в Британии есть три этнических меньшинства, которые именуются *трэвеллерз* (Travellers) или цыгане (Gypsies): английские (и уэльские) цыгане, ирландские *трэвеллерз* и шотландские *трэвеллерз* (с. 1), – без учета европейских цыган, семьи которых продолжают так или иначе прибывать на острова. Разделить сегодня собственно *трэвеллерз* (которые вели подвижный образ жизни, вероятно, и до прихода цыган на острова) и британских цыган невозможно. Их смешение, по крайней мере в некоторых регионах, зашло слишком далеко. Вероятно, это было одним из факторов возникновения англоромани с его английской грамматикой (с. 28). Некоторые слова жаргона (*cant*) проникли в речь цыган, а шотландские *трэвеллерз* в свою очередь усвоили ряд цыганских слов (с. 2).

В результате возник вариант английского языка, насыщенный цыганскими лексическими элементами, например: *Me dad used to say, ooh dik at that, that's for/ ooh loves livvinda* (с. 6) ‘Мой отец обычно говорит, ох, глянь на это, это оттого, что [она], ох, любит алкоголь’. (Слово *dad* ‘отец’ тоже подозрительно похоже на цыганское, но его древность не позволяет принять цыганскую этимологию.) Замена ключевых

слов приводит к тому, что говорящий по-английски чужак не поймет смысла фразы. И хотя *dik* = дыкх 'смотри', *livvinda* ≈ ловина 'пиво', не знающий английского европейский цыган также не поймет ни эту фразу, ни даже менее «англизованную», содержащую только цыганскую лексику в своем составе: *Phen chichi/chuchi, muskra/muskara akai!* 'Не говори ничего, полицейский вот!' (с. 8, 25, 120). (Вариативность произношения/написания слов в этом примере при стабильности структуры и состава в многократных фиксациях может указывать на то, что это воспроизводимое клише.) В максимальном приближении к севернорусско-цыганскому: *Пхэн [ни]чхи́, мо́ск(и)ро а́кэ!* – где ключевое слово *москро* (*муй-эс-кир-о – посессивное прилагательное от основы ед. ч. существительного муй 'рот, лицо') значит буквально 'относящийся к лицу или ко рту'; в англоромани название полицейского также является производным от *moi* 'рот' и значит 'горластый'.

Подобная судьба постигла и другие территориальные варианты цыганского: кало (*caló*) на базе испанской или португальской грамматики в Испании и Португалии, эроминчела (*erumantxela*) на базе баскского в Стране Басков, *Romnisch* на базе нижненемецкого в Дании; существуют греческий, шведский, норвежский и другие варианты парацыганского (с. 9–10). В отличие от насыщенных разрозненными цыганскими лексическими элементами условных языков, арго и т. п., парацыганские языки даже при утрате цыганской морфологии и синтаксиса все же наследуют существенные элементы системы деривации и некоторые лексикализованные грамматические формы. Например, обобщается в качестве универсальной одна из форм косвенного падежа местоимения *те* 'я': в англоромани это локатив *mandi*, в кало датив *mange* или инструментал-социатив *mansa* (с. 11).

Скупые данные по восточнославянским условным языкам прошлого века включают и слово *мань*, род. п. *манька́*, дат. п. *маньку́*, которое выступало в роли местоимения 'я (нищий старец)', но употреблялось как существительное с глаголами в 3-м лице ед. ч. [Тиханов 1899: 89, 92, 93]: *мань / манёк во́лит* '*я хочет'. Его сходство с цыг. вин. п. *ман* 'меня', дат. п. *мангэ* 'мне' весьма симптоматично. Ср. также выбор 3 л. ед. ч. при, формально говоря, местоимении 'я' в англоромани: *Mandi doesn't com lesti* (с. 25) '*Я не любит его'.

Структурное сходство при различии языков окружения указывает на общность глубинных механизмов возникновения вариантов парацыганского в разных странах. Здесь имеется некоторое подобие с пиджинизацией и креолизацией. Возможны два объяснения: или усвоение лексики от старших новым, уже англоязычным

по преимуществу поколением, или приток людей со стороны, усваивавших цыганский словарь уже во взрослом возрасте (с. 15–16). Вместе с тем англоромани отличается от смешанных языков (в которых грамматика взята из одного языка, а лексика из другого) отсутствием конвенциональной закреплённости доли двух составных частей, наличием отчетливой возможности варьировать уровень концентрации цыганских элементов в высказывании. Следы двойственной природы этого языка проявляются и в сохранении некоторых элементов прежней цыганской грамматической системы, например в личных местоимениях, усвоении некоторых словообразовательных моделей (с. 19–20).

Рассмотрев различные сценарии, автор переходит к их интеграции на основе гипотезы о функциональном перевороте в истории англоромани. От лингвистической ситуации, в которой цыганский был языком семейного общения, а английский обслуживал лишь внешние коммуникативные функции (с. 27), закрытые мигрирующие общины перешли к ситуации, когда по мере расширения функций английского языка во внутригрупповой коммуникации цыганский становился источником лексических маркеров, символизирующих престиж принадлежности к группе посвященных, и секретного словаря, непонятного для окружения (с. 30)². Влияние последнего заметно в раз-

² Двужычие цыган создает постоянные условия для движения в этом направлении и инкорпорации грамматических элементов функционально доминирующего языка. Так, для севернорусско-цыганского характерно довольно свободное переключение на русскую предикацию, например: *Е исыс насвали, палдава мэ ла на дыхтём*, не встретил кэ кодой 'Она была больна, поэтому я ее не видел, не встретил там'. При этом имеются и производные от цыганских основ по русским моделям, функционирующие в качестве внутригрупповой экспрессивной лексики в русской речи: как именные: *хня́чка* (груб.) 'трусиха' < *хн-* 'испражняться', *чёрда́рька* 'воровка' < *чёрда́ри* 'вор' < *чёрдо́* 'ворованный', так и глагольные: *захня́кать* 'замарать', *чердова́ть* 'воровать' (В. Бычков, Красноярск). Если прежде консервирующим цыганский язык фактором являлись длительные ежегодные контакты на ярмарках, семейных торжествах, в процессе летних разъездов большими группами, то сегодня хозяйственная деятельность все больше сосредотачивается в малой семье и протекает в преобладающем иноязычном окружении. Нельзя исключить того, что следующее поколение уже будет знать и считать цыганским языком только явления второго рода.

личных английских сленгах и продолжается до сего дня.

Например, не так давно из английского в русский пришло альтернативное название «гопника» *chav* / *чав* ‘подросток или молодой человек, часто малообразованный и малообеспеченный, выделяется особо акцентированными признаками в одежде и особенностями группового поведения’ (yablun.livejournal.com/50399.html: «Почему ты говоришь *чав*? Почему не *гопник*? – Слово *чав* знает уже до хрена народу»). Цыганское *čhav* ‘сын, потомок цыган’. Ср. кэлдэрарское *шав* (м. р.) ‘парень-цыган; сын’ [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 178]³.

Глава 2 «Истоки цыганского языка» (с. 31–56) посвящена истории и происхождению флективных цыганских диалектов, на ее основе в главе 3 «Историческая позиция британского цыганского» (с. 57–94) уточняется диалектная основа цыганского в Британии и его исторические связи с континентальными европейскими диалектами, в частности, при его несомненной принадлежности к северным диалектам, распростершимся от Британии до Дальнего Востока (с. 87–88), некоторые архаические черты указывают на близость с другими периферийными диалектами, например оформление заимствований греческим по происхождению показателем *-is*, *-os*, а не *-i*, *-o* (с. 52).

В главе 4 «Структурная композиция англоромани» (с. 95–129) дана характеристика уникального по репрезентативности корпуса речевых данных, описаны фонологические особенности языка, предпочтительные модели словообразования и особенно словосложения, грамматические особенности, включая остаточные явления флексии, и другие черты. Фонологический состав слов отличается принципиально широкой вариативностью (например, аналог севернорусско-цыганского *балавас* ‘сало, ветчина’ фиксируется в виде спектра вариантов (фонетическая транскрипция взята с сайта): *ballamas* [ˈbəlɔmas],

³ В качестве независимого заимствования приведем также слово *чав* в еще одном русском сленге (указано Д.В. Громовым): в Улан-Удэ *чавами* (от цыганского *чаво* ‘парень’) издавна называли молодежь, проживающую на городских окраинах, в частном секторе и заводских районах. Слово встречается и у других авторов, ср. пример из [Буянова 2009: 64]: *Не хотелось бы покупать квартиру в кварталах, там столько чавушек*. В речи данной социальной группы отмечаются слова и фразы из севернорусско-цыганского диалекта: *Тердѣ чава!* ‘Стоять, чава!'; *Яводарик!* ‘Иди сюда!'; *Лаве исы?* ‘Деньги есть?'; *Нане* ‘Нет!'; *Девала!* ‘Погляди! (букв. ‘Боже!’); *Авэн!* ‘Пошли!'; *рая* ‘милиция’ (букв. ‘господа’) [Карбаинов 2009: 135].

ballavas [ˈbælɔvəs / ˈbælɔvəs], *ballomas*, *ballovas*, *ballowas*, *bawlomas*, *bawluva*, *bawluvva* [ˈbawlûva], *vallavas* [ˈvælɔvəs / ˈvælɔvəs], *villivas* [ˈvili:vəs] – и даже *vassavo*, совпавшем с прилагательным ‘плохой’). Трудно удержаться от демонстрации вариантов славянского **smetana* ‘сметана’: *smantunna*, *smentin*, *smenting*, *smentini*, *smeutino*, *smintino*, *smintni*, *smitten*, *spentani* < свр.-цыг. *sme(n)tana* (с. 185). Однако при всей суммарной вариативности «определенные черты произношения ассоциируются с конкретными семьями или регионами» (с. 100, 178)⁴.

Отдельные словообразовательные модели становятся универсальными, например, на основе цыганского посессива образуется множество названий орудий, производителей действия и предметов: *dikkamengri* ‘зеркало’ < *dikh* ‘смотреть, видеть’, *massengra* ‘мясник’ < *mas* ‘мясо’, *chinnamengra* ‘письмо’ < *čin* ‘резать, писать’, *yoggamengra* ‘лесник’ < *ружье* < *jag* ‘огонь’, *puvvengra* ‘картофель’ < *phuv* ‘земля’ (с. 105). Еще один пример незамысловатой внутренней формы: *rukkamengra* [ˈrukʰəmɛŋgrə] ‘обезьяна’ < свр.-цыг. *rukʰ* ‘дерево’ (с. 201), – однако примечательно, что аналогичный способ наименования обезьяны через связь с деревом, лесом зафиксирован в московско-цыганском. В воспоминаниях цыганской певицы Татьяны Демьяновой о Пушкине: «Засмеялась и я, только он мне очень некрасивым показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: “Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!” Гляди, значит, гляди, как нехорош, точно обезьяна! Они так и залились» [Демьянова 1998: 246]. (*Дыкx-ка, дыкx-ка, нанэ лачѣ, такі вэшѣскири* ‘Смотри-ка, смотри-ка, не <есть> хорош, словно обезьяна’, где *вэшѣскири* – ‘обезьяна’, букв. ‘лесная, лесовая’.)

Подобные ряды производных по продуктивным моделям в принципе открыты. Наличие веера потенциальных номинаций, включая описательные [например, *parno-kawla cherkli* ‘сорока’, букв. ‘черно-белая птица’ (с. 123)], воспринимается как предмет гордости и используется для проверки незнакомца на знание англоромани. Томас Актон описал процедуру такого тестирования на примере синонимов для дорожного указателя: *pukkering-kosh* ‘говорящий столб’, *kosh t'pukker t'drom* ‘столб,

⁴ В России также наблюдается широкая вариативность даже в рамках одного диалекта, но никогда – в речи одного индивида, ср., например: московское *чячѣ* ‘верно’, *чячинѣ* ‘правда’ и, с межслоговой диссимиляцией, смоленское или псковское *тачѣ*, *тачинѣ*. Удивительно совпадение с последним результата независимого развития в англоромани: *tatchipen* / *tatchapen* ‘правда’ (с. 214).

чтобы говорить дорогу', *drom-sikker-lava-kosh* 'дорогу-указывающий-словами-столб' [Acton 2005]; в данной книге их приведено намного больше (с. 208). Это лишь одно из проявлений свободы по отношению к лексикону англоромани, преобразуемому пусть и по унаследованным образцам, но часто в индивидуально-творческой и даже игровой манере (с. 110–111).

В частности, в устном двуязычии в ходу полукальки: *adrom*, *adrum*, *drom* 'прочь' < евр.-цыг. *drom* 'дорога' (с. 170), где к английскому *a-* добавлена цыганская замена второй части – гречизм *drom*; *comli* 'приятный' < евр.-цыг. *kam-* 'любить, хотеть' (с. 199), где к корню *com-* 'любить, хотеть' добавлено *-li* (*-ly*). Хотя трактовки таких случаев не вполне однозначны: есть и цыганский наречный префикс *a-* (*абэриш* 'в этом году'), а финаль *-li* может трактоваться и как реликтовый показатель цыганского перфектного причастия женского рода: *камлэ* 'милый', *камлі* 'милая' [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 21, 80]⁵.

Семантическое развитие в англоромани идет часто совершенно независимо от европейского наследия, например: *eb* 'свет' < евр.-цыг. *hev* 'дыра' (с. 198), где семантические отношения проясняются наличием посредника *ebs*, *ev*, *evua*, *hev*, *kow* 'окно' < евр.-цыг. *hev* 'дыра' (с. 216), но имеется и *ebs*, *ev*, *evua* 'стакан' (с. 191), где это значение возникло на основе многозначности в английском; в итоге появляется нстривиальная семантическая цепочка: 'дыра' > 'окно' > 'стекло' > 'стакан'.

В главе 5 «Коммуникативные функции англоромани» (с. 130–166) описаны функциональные параметры современного языка британских цыган. По мнению автора, представители сообществ английских и уэльских цыган в процессе языковой социализации усваивают особый перечень лингвистических особенностей, включающий в основном лексические элементы, но их усвоение сопровождается овладением и особыми правилами «исполнения», то есть использования этого этнически маркированного лексического репертуара в устной речи (с. 133), включая меньшую связность (ср. выше *drom-sikker-lava-kosh*) и даже отказ от формального выражения предикации (*Mushakai* 'Мужчина здесь', *Dikka the mush's moi nafti zi* 'Глянь [на] мужчины лицо: злое сердце', с. 120–121). В зависимости от целей коммуникации говорящий может менять концент-

рацию специфических элементов в своей речи (с. 134), и эта особенность сближает англоромани с жаргонами. Однако носители этого языка всерьез настроены на возрождение его в качестве как средства коммуникации, так и одного из параметров этничности. Этот язык применяется в образовательных программах, поддерживаемых на государственном уровне и ориентированных на *трэвеллерз*, и официально рассматривается как язык одного из этнических меньшинств (с. 164). Этот язык используется в качестве эффективного и престижного средства интеграции в миссионерской деятельности (с. 165). Выходят книги на англоромани. Таким образом, можно говорить о его возвращении к жизни через последовательное расширение социальных функций.

В главе 6 «Заключение. Упадок, смерть и жизнь языка после смерти» (с. 167–175) более детально аргументируется описанный выше исторический сценарий, объясняющий переход от использования цыганского в качестве языка семейного общения к английскому, который наряду с функциями внешней коммуникации принял на себя и роль средства внутригруппового общения, после чего цыганский стал источником особого группового словаря, непонятного для непосвященных. Далее англоромани трактуется в контексте современности как экстраординарный случай двуязычия, в связи с чем рассматриваются его функциональные параметры: это средство внутригрупповой коммуникации, в частности с целью скрыть содержание разговора в присутствии чужих; средство передачи устной традиции; средство акцентировать свою этническую идентичность и принадлежность к группе. С этой символической функцией связано позитивное эмоционально-эстетическое содержание, которое носителями соотносится именно со специфическим лексиконом цыганского происхождения. Набором этих функций и определяется в конечном счете особый тип билингвизма, который в случае носителей англоромани проявляется в практической компетенции, позволяющей дифференцированно использовать многоуровневый репертуар структурных элементов, транслирующих внутригрупповые прагматические и символические ценности (с. 174).

Несколько замечаний касаются описания отдельных слов: *kirvo* 'крестник' (с. 36), видимо, имелось в виду 'крестный отец, кум, особенно в качестве обращения кумовьев или просто товарищей друг к другу'; *višt* 'рука' (с. 85) – это опечатка: *višt* 'губа' (ср. *vast* 'рука'); *grazna* 'корова' (с. 185) – не к евр.-цыг. *guruvni* 'корова', а к нижестоящему: *grasna* < евр.-цыг. *grasni* 'кобыла'; *suv* 'клясться' < евр.-цыг. *sov-* 'спать' (с. 211) – имеется в виду омонимический гла-

⁵ В севернорусско-цыганском полукальки с нарочитым наложением основ считаются принадлежностью шутливой макаронической речи: *частыр* 'деталь' < *часть* + цыг. *котыр* 'кусок', *кхэрата* 'комната' < цыг. *кхэр* 'дом' + *комната*.

гольный корень, как при *suvalo* 'плохой', то есть *sov-* 'произносить клятву' (с. 178).

В расширенном по сравнению с электронной версией примерно до 1600 позиций английско-цыганском словаре (с. 176–217) цыганские слова представлены во всех зафиксированных вариантах («retrieved directly from transcriptions of oral recordings of interviews», с. 176). Каждое слово сопровождается этимологической параллелью из европейского цыганского. Приведем несколько примеров с нашими комментариями и частными уточнениями, возможно небезынтересными для российского читателя:

paddel, pardel, parl, pawdel, pedal 'через' < евр.-цыг. *perdal* 'то же' (с. 177) – первый вариант записи *paddel* имеет параллель в виде фонетически необычного варианта *падъл* 'через' из северо-западной части севернорусско-цыганского ареала, отсутствующего в [ЦРС] (где только *пурдъл*), но известного из скрупулезно опубликованного, хотя не вполне достоверного источника⁶;

juv 'ячмень' < евр.-цыг. *giv* 'пшеница, ячмень' (с. 179) – возможно, фонетически ближе *džov* 'oats / овес';

lastri 'красивый' < евр.-цыг. *lošano (-alo)* 'радостный' (с. 179) – может быть, ближе глагол *last* 'искать, найти' < евр.-цыг. *lath-*, причастие от этого глагола может получать семантическое наполнение 'красивый, изысканный', франц. *recherché*, и, хотя трудно сказать, насколько вовлекается в гнездо английского *find* галлицизм *refined*, сближение в рамках народной этимологии здесь вероятно;

mizli 'ткань' (с. 183), *misli* 'лоскут' (с. 205) < евр.-цыг. *mesali* 'полотенце, шарф', греч. *μεσάλι* 'скатерть', но в России обычно 'стол', как кэлдэарское *месяли / mes'ali* [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 103]; русское *стол* также связано исторически со 'стелить' [Фасмер, III: 764–765];

Romanichal 'английский цыган' < евр.-цыг. *čalado*; *romani* 'семья', 'цыганский' (с. 187) – к сожалению, это *čal* (франц. *Romanichel*, баскско-цыганское *Erroumancel* [Michel 1848; Baudrimont 1862: 29]) пока не дается этимологам; не помогает и кэлдэарское *челедо / čeledo* 'семья' [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 166], ловарское *чаладо / čalado* 'то же' – не очень давнее региональное заимствование из венгерского *család*, которое восходит к славянскому **čel'adъ* 'populus, familia' [ОССЯ, 4: 40–42].

⁶ Примеры: *падъл дэвлэстыр* 'через бога', *падъл грэстэ* 'через коня', *падъл светло удара* 'через светлые ворота' [Язык 2006: 38, № 472; 134, № 2676; 63, № 1029; а также: 66, № 1088; 160, № 3305; 165, № 3418]. См. критику в [Шаповал 20086].

Еще любопытно, как кажется, отметить, что прямые паронимические результаты народной этимологии на базе созвучия с английским в словаре не слишком заметны или, во всяком случае, не акцентируются: *trashed* 'испуган' (с. 135, 207) ≈ англ. 'замусорен'; *nurses* 'руки (от плеча)' (с. 178) ≈ англ. 'сиделки / няньки'; *bark* 'грудь' (с. 181) ≈ англ. 'кора дерева'; *pen* 'звать' (с. 182) ≈ англ. 'перо'; *gras* 'кобыла' (с. 200) ≈ англ. 'травя'. В аналогичных случаях русские цыгане довольно часто используют игровые трансформации, сохраняющие прежнюю семантику, но принимающие вид русского слова: *баладина* = *балавас* 'сало'; *курануть* = *курэл* 'сильно ударить'; *мама* = *мами* 'бабушка'; *папка* = *папо* 'дед'; *пустыня* = *пустын* 'шуба' и под.

Наряду со словарем имеется удобное для историков языка приложение, где все цыганские слова и корни, представленные в этимологических пометах словаря в качестве вероятных источников слов англоромани, расположены по алфавиту (с. 219–231).

Список использованной литературы (с. 232–241), указатель упоминаемых авторов (с. 242–243) и предметный указатель (с. 244–255) завершают книгу.

Рассмотренное исследование как по охвату материала, так и по детальности анализа, а также во многих других отношениях может служить образцом для описания пока почти не исследованных локальных вариантов цыганского языка: как многочисленных диалектов романи, сохранивших индоарийскую флективную грамматику, так и парацыганских диалектов, перешедших на грамматику языков окружения, но отчасти сохранивших цыганскую лексику. Особенно обращает на себя внимание баланс между высокой концентрацией научного содержания и изложением, учитывающим интересы и возможности потенциального читателя, не являющегося профессиональным лингвистом, например носителя англоромани, участвовавшего в обсуждении проблем языка на форуме и заинтересовавшегося книгой. Таким образом, сама книга, подобно описанному объекту, является многоуровневым сообщением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буянова 2009 – А.Ю. Буянова. Жизненные стратегии молодежи постсоветской Бурятии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990. Р.С. Деметер, П.С. Деметер. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэарский диалект). М., 1990.
Демьянова 1998 – Т.Д. Демьянова. О Пушкине и Языкове // В.Э. Вацуру и др. Пушкин

в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2.

Карбаинов 2009 – Н.И. Карбаинов. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ // Д.В. Громов (сост.), Н.Л. Пушкарева (отв. ред). Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М., 2009.

Маковский 2009 – М.М. Маковский. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология. 4-е изд. М., 2009.

Тиханов 1899 – П.Н. Тиханов. Черниговские старцы // Труды Черниговской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Чернигов, 1899/1900.

Фасмер 1986 1987 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987.

ЦРС А.П. Баранников, М.В. Сергеевский. Цыганско-русский словарь. М., 1938.

Шаповал 2008а – В.В. Шаповал. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях // ВЯ. 2008. № 6.

Шаповал 2008б – В.В. Шаповал. Харкуно совнакай: 'фальшивое золото' вторичных источников // Abstracts from 8th International conference on Romani linguistics. 4-6 September 2008, St. Petersburg [<http://www.liloro.ru/romano.htm>].

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. М., 1977.

Язык 2006 – С.В. Кучепатова (сост.). Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой. СПб., 2006.

Acton 1985 – T. Acton. The social construction of the ethnic identity of commercial-nomadic groups // J. Grumet (ed.). Papers from the 4th and 5th Annual meetings of the Gypsy lore society. North American chapter. New York, 1985.

Baudrimont 1862 – A. Baudrimont. Vocabulaire de la langue des Bohémiens habitant les Pays Basque Français. Baurdeaux, 1862.

Herbert 1965 – F. Herbert. Dune. Philadelphia; New York, 1965.

Kluge 1901 – F. Kluge. Rotwelsches Quellenbuch (Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. B. I.). Strassburg, 1901 [<http://www.liloro.ru/romanes/chrestomatia1.htm>].

Leland 1891 – Ch.G. Leland. Gypsy sorcery and fortune telling. London, 1891.

Matras 2002 – Y. Matras. Romani: A linguistic introduction. Cambridge, 2002.

Matras 2009 – Y. Matras. Language contact. Cambridge, 2009.

Michel 1848 – F. Michel. Bohémiens, mendiants, gueux, cours des miracles // Le moyen âge et la renaissance. T. I. Paris, 1848.

Polzer 1922 – W. Polzer. Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker. München; Berlin; Leipzig, 1922.

В.В. Шаповал

Сведения об авторе:

Виктор Васильевич Шаповал
Московский городской педагогический университет
liloro1@yandex.ru